

М. И. Писарев

"Гроза". Драма А. Н. Островского

Драма А. Н. Островского "Гроза" в русской критике

Сб. статей / Сост., авт. вступ. статьи и комментарии Сухих И. Н.-- Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.-- 336 с.

[OCR Бычков М. Н.](#)

На "Грозу" Островского восстала буря, кажется, сухопутная, предшествуемая пыльным ураганом.¹ Бури-то самой мы не видели, а ураган на просторе рассыпался пылью и исчез бесследно. На "Грозу" поднялась еще одна премудренная московская газета, которую и не поймешь под старость лет: и хитрит, и румянится, и сплетничает эта газета, как старая дева. (Юность и красота и самородность ей не по сердцу -- и вот ополчилась она на "Грозу" всеми хитростями чахлого ума. Но ни бурь "Нашего времени", ни умственной гимнастики на туго натянутых умозаключениях не нужно для того, чтобы подойти к произведению, которое, все-таки ярко и далеко выдается из ряда наших дюжинных драм. Буря душевная обличает внутреннюю тревогу, происходящую от каких-нибудь посторонних соображений; умственные тонкости выказывают преднамеренность, а то и другое обнаруживает досаду, происходящую от того, что хоть ягода и не нашего поля, однако всем нравится. По нашему мнению, надо прямо и смело подойти к художественному произведению, и спокойно, не мудрствуя лукаво, поверить его своим вкусом. До палевых перчаток соседа нам не должно быть дела. Искренность беззлобная и собственное честное убеждение, собственный вкус, воспитанный на лучших, хотя бы не все одних великосветских образцах -- вот что нужно также критику: без этого он непременно проговорится и намекнет на свою заднюю мысль... Новое произведение г. Островского исполнено жизни, свежести красок и величайшей правды. Только изучивши непосредственно ту среду, из которой взято его содержание, можно было написать его. По содержанию своему драма относится к купеческому быту глухого городка, но и в этом быту, задавленном бессмысленною обрядностью, мелкою спесью, пробивается порою искра человеческого чувства. Уловить эту искру нравственной свободы и подметить ее борьбу с тяжелым гнетом обычаев, с изуверством понятий, с своенравной прихотью произвола, отозваться поэтическим чувством на эту Божью искру, порывающуюся на свет и простор,-- значит найти содержание для драмы. В каком бы быту ни происходила эта борьба, чем бы она ни окончилась, но если уже она существует, то существует и возможность драмы. Остальное в таланте самого писателя. Сущность драмы г. Островского, очевидно, состоит в борьбе свободы нравственного чувства с самовластием семейного быта. С одной стороны, рабское повиновение старшему в доме по древнему обычаю, застывшему неподвижно, без исключений, в неумолимой своей строгости; с другой -- семейный деспотизм по тому же закону -- выражаются в Кабановых: Тихоне и его матери. Загнанный, запуганный, забитый, вечно руководимый чужим умом, чужою волею, вечный раб семьи, Тихон не мог ни развить своего ума, ни дать простора своей свободной воле. Оттого в нем не достает ни того, ни другого. Ничто так не убийственно для рассудка, как вечная ходьба на помочах, как опека, которая велит делать то и то без всякого размышления. Если Тихон глуповат, то это потому, что за него думали другие; если он, вырвавшись на волю, жадно ловит каждую минуту пошлых житейских удовольствий, вроде пьянства, и опрометью бросается в безумный разгул, так это потому, что он никогда не жил на свободе; если он действует исподтишка, так это потому, что он был вечным рабом ревнивого семейного, ненарушимого устава. Мать он только почитает; жену и мог бы любить, да мать постоянно душит в нем все свободные порывы любви, требуя, чтобы жена, по-старому, боялась и почитала мужа.

Все чувства супружеской любви должны проявляться только в известной, освященной древним обычаем, форме. Есть ли они, нет ли их, они должны быть в этой форме там, где требуется обычаем, и не должны быть там, где не требуется обычаем. Всякая свобода нравственных движений подавлена: обряд, обычай, старина сложились в неподвижную форму и оковали всего человека с самого рождения его вплоть до могилы, жизненное развитие гложет под этим пудовым гнетом. Кто читал "Грозу", тот согласится с нами в главных чертах, которыми мы определили семейные жертвы, подобные Тихону; еще более, надеемся, согласится тот, кто видел "Грозу" на сцене, где лицо Тихона оживает в чудной игре гг. Васильева и Мартынова.² Каждый из этих двух первоклассных артистов взялся за роль по-своему и придал ей тот оттенок, который обуславливается средствами артиста. Это, однако же, не помешало им